

УДК 004.738.5:340
JEL Code: H29

<https://doi.org/10.33619/2414-2948/126/55>

АНТИКОРРУПЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕХНОЛОГИИ БЛОКЧЕЙН В ФИНАНСОВОЙ СФЕРЕ

©*Парахин Д. Д.*, ORCID: 0009-0005-4003-3506, SPIN-код: 1167-9866,
Томский государственный университет,
г. Новосибирск, Российская Федерация, info@n-l-i.ru

THE ANTI-CORRUPTION POTENTIAL OF BLOCKCHAIN TECHNOLOGY IN THE FINANCIAL SECTOR

©*Parakhin D.*, ORCID: 0009-0005-4003-3506, SPIN-code: 1167-9866
Tomsk State University, Novosibirsk, Russia, info@n-l-i.ru

Аннотация. Рассматривается потенциал технологии блокчейн в качестве инструмента минимизации коррупции в финансовой сфере. Проведен анализ системных проблем, вызванных недостаточной открытостью процедур кредитования и операций с активами, в том числе на этапе конкурсного производства. Обращение к практическим примерам, в частности к делу о несостоятельности новосибирского комплекса «Аквामीр», наглядно иллюстрирует, как отсутствие прозрачности создает почву для злоупотреблений. В статье аргументируется позиция, что внедрение распределенных реестров и самоисполняемых контрактов способно обеспечить автоматизм, неизменяемость данных и децентрализованный контроль, что позволяет нивелировать основные коррупционные угрозы и повысить уровень доверия к финансовым институтам.

Abstract. This paper examines the potential of blockchain technology as a tool to minimize corruption in the financial sector. It carries out an analysis of systemic problems caused by insufficient openness of lending procedures and asset transactions, including at the stage of bankruptcy proceedings. Referring to practical examples, in particular the insolvency case of the Novosibirsk Aquamir complex, clearly illustrates how the lack of transparency creates the ground for abuse. The article argues that the introduction of distributed registries and self-executing contracts can provide automation, immutability of data, and decentralized control, which makes it possible to neutralize the main corruption threats and increase the level of trust in financial institutions.

Ключевые слова: блокчейн, смарт-контракт, коррупция, кредитование, финансовая прозрачность.

Keywords: blockchain, smart contract, corruption, lending, financial transparency.

В современном правовом поле коррупция в финансовом секторе представляет собой сложное социально-правовое явление, определяемое Федеральным законом «О противодействии коррупции» как злоупотребление служебным положением, иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды, выходящее за рамки классического взяточничества. Оно охватывает широкий спектр деяний, включая злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ), коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ), а

также злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) для получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера. Концентрация значительных денежных ресурсов и непрозрачность процессов создают питательную среду для злоупотреблений и сговоров, что наносит ущерб стабильности финансовой системы в целом (1-3).

Ключевой предпосылкой коррупции является информационная асимметрия. Исключение этой почвы за счет внедрения передовых цифровых технологий становится первоочередной задачей. В данной статье выдвигается и обосновывается тезис о том, что технология блокчейн и ее производные — смарт-контракты и оракулы — способны создать новую парадигму организации финансовых отношений. Их внедрение позволяет утверждать, что там, где устанавливается полная прозрачность и исключается человеческий субъективизм в ключевых точках принятия решений, исчезает и почва для коррупции.

Анализ существующих финансовых практик выявляет системные проблемы в процедуре оценки кредитоспособности заемщиков. Банки проводят такую оценку на основе профессиональных суждений. Несмотря на регулирование Положением Банка России № 590-П, применяемые банками критерии носят оценочный характер [3, 4].

Определение «существенности» таких параметров, как убыточность или негативные тенденции, остается на усмотрение кредитной организации. В литературе обращается внимание, что банковские методики недоступны для заемщиков и лиц, предоставивших обеспечение [6, 7], а условия кредитования зачастую затруднительны для восприятия [5].

Это создает правовую неопределенность и нарушает баланс интересов сторон.

Субъективный характер оценки, основанной на внутренних алгоритмах банка, создает риск ее необоснованного использования не только для несправедливого отказа в кредитовании, но для вывода активов банка. В таких условиях у Банка России возникает объективная потребность в инструменте, позволяющем проводить независимую верификацию платежеспособности заемщика, минуя предвзятость кредитной организации.

Сложившаяся практика порождает два ключевых коррупционных риска. Во-первых, риск необоснованного отказа в кредитовании вследствие личной предвзятости. Во-вторых, риск выдачи кредита ненадежному заемщику в результате сговора, что ведет к прямым убыткам для банка и его клиентов.

Проблема непрозрачности финансовых операций и коррупционных злоупотреблений не ограничивается этапом выдачи кредитов. Системные риски проявляются и на последующей стадии — при управлении активами обанкротившихся организаций, когда в процесс вовлекаются государственные институты. Яркой иллюстрацией данной проблемы служит ситуация с банкротством новосибирского аквапарка «Аквамир», актив которого перешел под управление Агентства по страхованию вкладов (АСВ).

Изначально кредит на строительство аквапарка был выдан и успешно освоен – объект построен и введен в эксплуатацию. Однако после отзыва лицензии у банка в 2017 году и его банкротства, обязательства по кредиту перешли к АСВ. Согласно отчетам, задолженность перед агентством на момент банкротства застройщика составляла около 2 млрд рублей (<https://clc.li/YXIKU>).

При этом аквапарк, будучи действующим и доходным бизнесом, генерировал значительную выручку, которая в теории могла быть направлена на погашение этой задолженности. Здесь и возникает ключевая проблема: отсутствие прозрачности в распределении средств, полученных от деятельности актива под управлением АСВ. Назначаемый агентством конкурсный управляющий, формально действуя в интересах кредиторов, может распределять финансовые потоки непрозрачным образом. В таких

условиях существует коррупционный риск, при котором доходы от функционирования аквапарка могут направляться не на погашение долга перед государством (в лице АСВ), а присваиваться самим управляющим или иным причастными лицами. Это приводит к тому, что, несмотря на наличие у актива реальной способности расплатиться с долгами, обязательства не исполняются, а государство (АСВ) и кредиторы обанкротившегося банка несут прямые финансовые потери.

Внедрение технологии блокчейн и смарт-контрактов способно кардинально изменить эту ситуацию. Все финансовые потоки, генерируемые активом (в данном случае — выручка аквапарка), могли бы в обязательном порядке фиксироваться в распределенном реестре. Смарт-контракт, действующий на основе заранее утвержденных и неизменяемых правил, мог бы автоматически распределять эти средства согласно установленным приоритетам: в первую очередь на покрытие операционных расходов, а затем — на погашение задолженности перед АСВ. Такой подход обеспечил бы полную прослеживаемость денежных потоков для регулятора (Банка России), АСВ и иных заинтересованных лиц, исключив возможность нецелевого расходования средств и существенно снизив коррупционные риски на этапе конкурсного производства.

Технология блокчейн, представляющая собой распределенный и неизменяемый реестр данных, предлагает принципиально новый подход к организации доверия в финансовой сфере. Ее ключевые характеристики — прозрачность, децентрализация и безопасность — напрямую противостоят природе коррупции, исключая возможность скрытого изменения данных и создавая универсальную проверяемую платформу для регистрации транзакций [1].

Настоящий прорыв в десубъективации процессов связан с использованием смарт-контрактов — самоисполняемых алгоритмов, условия которых автоматически реализуются при наступлении определенных событий [6].

Несмотря на продолжающуюся дискуссию о их правовой природе, практическая ценность смарт-контрактов для обеспечения прозрачности не оспаривается. В кредитной сфере они способны взять на себя функцию автоматизированной проверки соблюдения формализованных критериев кредитования. Критическим вопросом реализации данной модели остается проблема доступа смарт-контракта к актуальным внешним данным. Решение обеспечивают оракулы — доверенные сервисы, выступающие мостом между блокчейном и внешней средой [2].

Они собирают и верифицируют информацию из государственных реестров (ФНС, Росреестр), бюро кредитных историй и иных источников, обеспечивая смарт-контракт объективными данными для принятия решений.

Проведенное исследование демонстрирует, что блокчейн, смарт-контракты и оракулы обладают значительным антикоррупционным потенциалом в финансовой сфере. Эти технологии обеспечивают переход от модели, основанной на доверии к институтам с их закрытыми процедурами, к системе, базирующейся на криптографически защищенных алгоритмах и объективных данных.

Ключевое преимущество такого подхода — его превентивный характер. Технологии блокчейна позволяют исключить саму возможность принятия коррупционных решений путем устранения человеческого субъективизма из критических точек финансовых процессов. Это создает основу для сбалансированного учета интересов всех участников - от банков и заемщиков до лиц, предоставляющих обеспечение.

Несмотря на существующие вызовы, связанные с адаптацией нормативной базы и техническими рисками, внедрение распределенных реестров представляется необходимым условием построения финансовой системы будущего.

Дальнейшие исследования и пилотные проекты в этой области способны заложить основу для принципиально новой модели финансовых отношений, характеризующейся максимальной прозрачностью и устойчивостью к коррупционным проявлениям.

Источники:

- (1). Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.09.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. №5. Ст. 410.
- (2). Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. №25. Ст. 2954.
- (3). Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 24.09.2025) «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2008. №52 (ч. 1). Ст. 6228.

Список литературы:

1. Арсланов К. М. Смарт-контракт: вид классического договора, компьютерная программа (код) или электронная форма договора? // Гражданское право. 2021. №6. С. 18-23.
2. Булгаков В. Д., Гвоздевский И. Н. Модель оценки производительности оракулов в самоисполняющихся смарт-контрактах // International Journal of Open Information Technologies. 2025. Т. 13. №5. С. 49-55.
3. Савельева Т. А. Вероятность будущей просрочки возврата кредита как основание для отказа от исполнения кредитного договора: актуальные проблемы применения пункта 1 статьи 821 ГК РФ // Вопросы российского и международного права. 2025. Т. 15. №3А. С. 275–288.
4. Савельева Т. А. Использование потенциала искусственного интеллекта и смарт-контрактов при ипотечном кредитовании // Цифровые технологии и право: Материалы III Международной научно-практической конференции. Казань, 2024. С. 101-113.
5. Савельева Т. А. Договор об открытии кредитной линии: возможные правовые модели, влияние квалификации на интересы заемщика и лиц, предоставивших обеспечение // Закон и власть. 2025. №9. С. 97-102.
6. Челышева Н. Ю. Концепция правового регулирования смарт-контракта в гражданском праве // Право и экономика. 2022. №7. С. 32–36.

References:

1. Arslanov, K. M. (2021). Smart-kontrakt: vid klassicheskogo dogovora, komp'yuternaya programma (kod) ili elektronnaya forma dogovora?. *Grazhdanskoe pravo*, (6), 18-23. (in Russian).
2. Bulgakov, V. D., & Gvozdevskij, I. N. (2025). Model' otsenki proizvoditel'nosti orakulov v samoispolnyayushchikhsya smart-kontraktakh. *International Journal of Open Information Technologies*, 13(5), 49-55. (in Russian).
3. Savel'eva, T. A. (2025). Veroyatnost' budushchej prosrochki vozvrata kredita kak osnovanie dlya otказа ot ispolneniya kreditnogo dogovora: aktual'nye problemy primeneniya punkta 1 stat'i 821 GK RF. *Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava*, 15(3A), 275–288. (in Russian).
4. Savel'eva, T. A. (2024). Ispol'zovanie potentsiala iskusstvennogo intellekta i smart-kontraktov pri ipotechnom kreditovanii. In *Tsifrovye tekhnologii i pravo: Materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii, Kazan'*, 101-113. (in Russian).
5. Savel'eva, T. A. (2025). Dogovor ob otkrytii kreditnoj linii: vozmozhnye pravovye modeli, vliyanie kvalifikatsii na interesy zaemshchika i lits, predstavivshikh obespechenie. *Zakon i vlast'*, (9), 97-102. (in Russian).

6. Chelysheva, N. Yu. (2022). Kontsepsiya pravovogo regulirovaniya smart-kontrakta v grazhdanskom prave. *Pravo i ekonomika*, 7, 32-36. (in Russian).

Поступила в редакцию
06.03.2026 г.

Принята к публикации
15.03.2026 г.

Ссылка для цитирования:

Парахин Д. Д. Антикрупционный потенциал технологии блокчейн в финансовой сфере // Бюллетень науки и практики. 2026. Т. 12. №5. С. 457-461. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/126/55>

Cite as (APA):

Parakhin, D. (2026). The Anti-Corruption Potential of Blockchain Technology in the Financial Sector. *Bulletin of Science and Practice*, 12(5), 457-461. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/126/55>